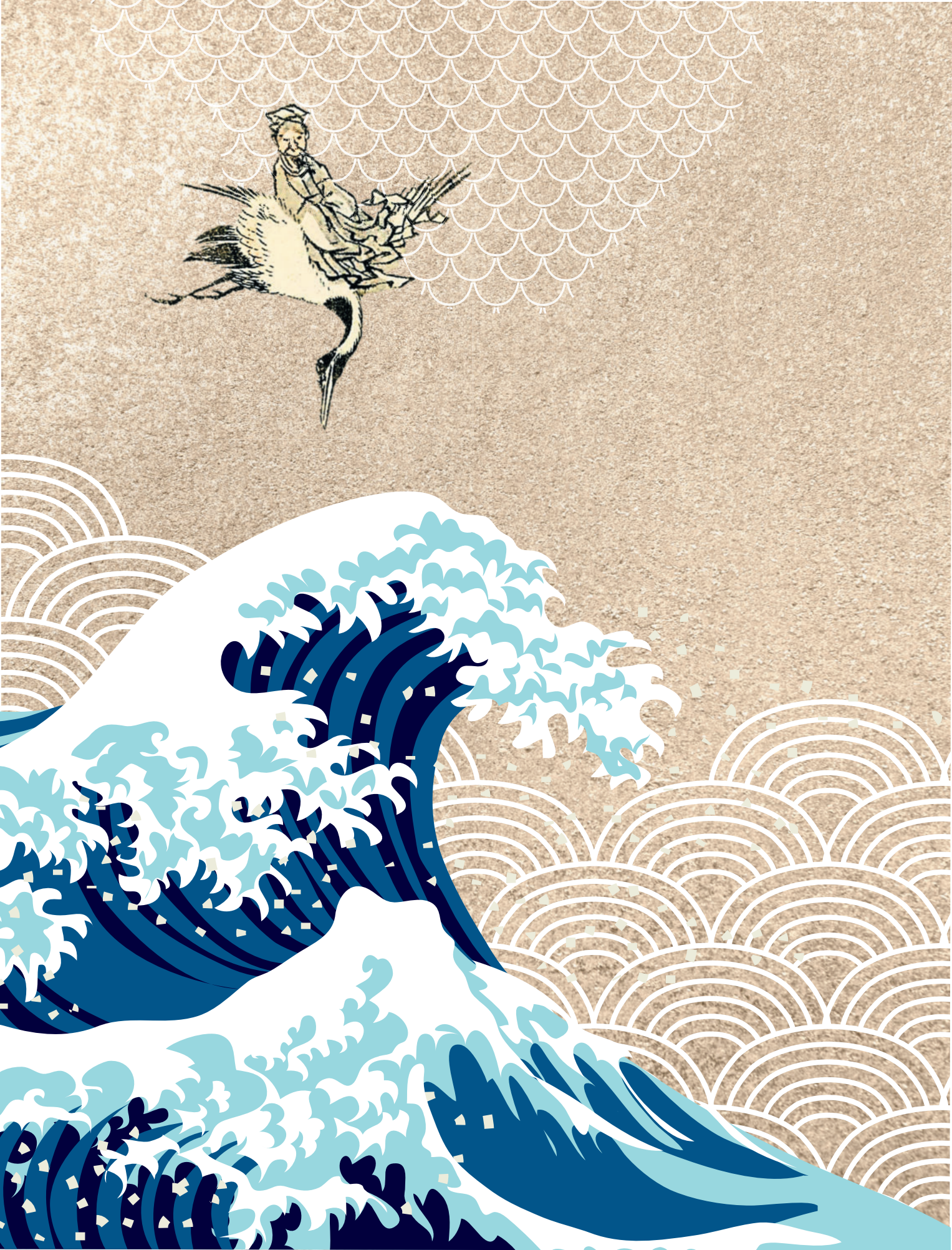

Содержание

Введение	3
«Неисчерпаемо-разные картинки»: энциклопедия старой японской жизни в картинках	3
Кратко о Хокусаяе	3
Путешествие на Запад и рождение Манга	5
Как делались выпуски Манга	6
Термин манга: клубок значений	7
Сходные жанры книги-картинки до Манга	9
Жанр хокусаевой Манга	12
Композиция Манги	13
Раннее знакомство с Манга на Западе	14
О комментировании Манги	16
Внешний вид книжек Манга	17
Религия: боги и божественные персонажи	22
Религия: люди, обряды и священные предметы	96
Герои, ученые, поэты, монахи	112
Привидения, демоны, лешие, домовые, а также божественные животные и уродцы далеких стран	198
Тэнгу	200
Тануки (барсук-оборотень)	222
Лисица-кицунэ	223
Занятия	236
Монахи и жрецы	236
Рыбаки и ныряльщики	237
Ремесленники	239
Стеклодувы	244
Работники разных профессий	245
Артисты, музыканты, акробаты	249
Рыбаки и моряки	253
Выращивание риса	260
Охотники	263
Заготовка продуктов	270
Сплавщики леса	274
Еда	276
Развлечения	282
Путешествия	296
Женщины	304
Сумо	312

Боги и люди

Религия: боги и божественные персонажи

На первой странице Начального выпуска изображены пара стариков рядом с большой сосной. Это почтенные супруги **Дзэ** и **Уба**, узнающиеся, в числе прочего, по их иконографическим атрибутам — граблям и метле. С ними связано несколько легенд. Согласно одной из них, они ухаживали за старой сосной, произраставшей на побережье в Такасаго, что в провинции Харима (ныне префектура Хёго), и дали обет жить в любви и согласии, пока растут сосны и осыпаются их иголки, которые необходимо сметать. Узнав про это, боги решили вечно сбрасывать понемногу хвою, чтобы старики могли жить вечно. Метла в руках у Убы символизирует не только трудолюбие и очищение, но и долгожительство: слово «подметать» (*хаку*) звучит почти так же, как и «сто» — подразумевается сто лет. Грабли у старика также намекают на долгие годы: их название (*кумадэ*) омонимично словам «до девяноста девяти (лет)».

Три других образа также символизируют долголетие: это вечнозеленая сосна, черепаха с длинным хвостом (*миногамэ* — это не совсем хвост, это наросты в течение столетий на панцирь морские водоросли) и журавль (он представлен иероглифом *цуру* 鶴, написанным на веере).

Чета любящих стариков также находится в центре пьесы ёкёку для театра Но под названием «Такасаго». Она традиционно приписывается Дзэами Мотокиё (1363–1443) и относится к циклу пьес о богах. Старик в ней именуется Окина (что, собственно, и означает «старец» или «почтенный»). В пьесе синтоистский жрец Томонари прибывает в Такасаго полюбоваться на знаменитую сосну, и местный житель рассказывает ему, что за ней ухаживают любящие старики: он — из далекой местности Суминоэ в провинции Сумиёси, а она — местная, из Такасаго. Расстояние им не помеха, ибо, если сердца любящих настроены в унисон, они могут быть вместе.

С древности, со времен первой поэтической антологии «Манъёсю» («Собрание myriad листьев»), существовало выражение «листья слов», т. е. слова уподоблялись листьям. В пьесе для театра Но «Такасаго» говорится, что сосна означает неувядающие листья речи. Пара этих сосен, символ соединившихся влюбленных, беседует друг с другом шелестом хвои под ветром (отсюда столь популярное в японской поэзии выражение *мацукадзэ* — «ветер в соснах»). Опадающие иголки, как слова в диалоге или короткие песни (*танка*), падают и перемешиваются. Дзэ и Уба бережно собирают их в кучи — собирая символы общения, совместности и неувядания. «Живое все и неживое имеет свой голос — все песней звучит. Травы и деревья, земля и песок, голос ветра и журчанье воды — все это сердце вмещает. Весенние леса, колеблемые восточным ветерком, осенние цикады, плачущие в северной росе, — это ль не воплощение песен Ямато!» — старик со старухой объясняют это путникам, а потом говорят: «К чему скрывать? Мы — духи этих сосен, вечнозеленых, вечно роняющих хвою...»

Итак, Хокусай вряд ли мог выбрать лучший сюжет для зачина: Дзэ и Уба под сосной объединили в своем образе любовь, верность и согласие, долгожительство и трудолюбивость. А кроме того, знаменитые сосны в Такасаго с их вечной песней вселенского единства позволяют провести ассоциацию с бесконечностью визуальных образов живой природы вокруг. Все последующие страницы Манга — это графический парафраз многообразного всеединства мира, которое вмещает сердце — далее в этом выпуске мы увидим и «травы и деревья», и «журчанье воды», и множество живых тварей, и, разумеется, людей во всех ипостасях и обликах.

11R

Эта страница продолжает тему **долгожительства, благих пожеланий и театра**.

Верхнюю треть страницы занимает многофигурная композиция «**Какусиги и дети**».

Китайский военачальник времен династии Тан по имени Го Цзы (яп. Каку Сиги, 697–781) пользовался большой популярностью в эпоху Эдо. Он служил олицетворением воинской доблести, лояльности, долгожительства, заслуженных успехов и плодовитости. Согласно преданиям, его пятнадцать детей породили такое количество внуков, что Какусиги не мог запомнить все их имена и разобрать кто есть кто. Хокусай изобразил его с табличками, на которых эти имена написаны. Веселящаяся толпа детишек перед ним, вероятно, забавляется, что дедушка никак не может сличить таблички с самими

детьми. В китайской мифологии Го Цзы становится Богом Процветания и Долголетия, одним из Трёх Звездных старцев Фу, Лу и Шу (а именно Лу — южная Полярная звезда 南極星 *нанкёкусэй*, или Канопус в созвездии Киля). Известно также, что в японской мифологии один из Семи богов счастья и удачи (*ситифукудзин*) Дзюрёдзин (бог долголетия) был заимствован из Китая и является повелителем южной Полярной звезды, что позволяет связать Какусиги с Ситифукудзин (см. след. стр).

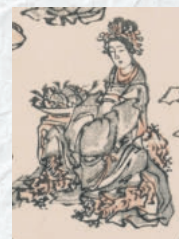
Средний регистр продолжает китайскую тему, но переносит ее в мифологическую историю. Левая фигура похожа на смеющихся детей сверху. Это **сёдзэ**. В японской мифологии (а ранее в китайской, где они назывались *синсин*) сёдзэ известны как существа небольшого роста, все покрытые рыжеватокрасными волосами (собственно, иероглиф «сё»

означает «орангутан»), но с человеческими лицами, в которых есть однако же нечто свинское. Отличает их веселый нрав и неумеренная любовь к выпивке. Хокусай изобразил сёдзэ, пьющего на ходу из огромной чаши.

В китайской письменной традиции сёдзэ известны с древнего «Каталога гор и морей» («Шань хай цзин»), где о них говорится как о смысленных лесных демонах и отличных бегунах. Считалось, что чем больше они пьют, тем больше живут, а выпив некое количество вина, могут и вовсе стать бессмертными. Поэтому сёдзэ и помещен на странице с долгожителями и бессмертными. В Японии сёдзэ фигурирует в одноименной пьесе театра Но (существует театральная маска сёдзэ — см. дальше) и в пьесах театра Кабуки, где главными чертами его характера являются неумеренное питье саке и веселые танцы. Эти рыжие лешие популярны и поныне. В фильме Хаяо Миядзаки «Принцесса Мононокэ» (1997) группа сёдзэ пытается противостоять уничтожению лесов людьми.

Справа от сёдзэ сидит молодая женщина, рядом с головой которой написано **Обо** («Царица-мать»). Сэй Обо — **Царица-мать Запада** (кит. Си Ванму). Этот персонаж из китайской мифологии восходит к древнейшим временам:

впервые имя Матушки Запада появилось в надписях на гадательных костях династии Шан 3500 лет назад. В книге «Чжуан цзы» (4 в. н. э.) сказано, что Си Ванму обладает Дао и восседает в Западных горах. Некоторые легенды даже говорят, что это она научила Лао-цзы всему, что написано в книге «Даодэцин». В даосизме ее имя стало ассоциироваться с процветанием, долгожительством и вечным блаженством. В ее саду росли персиковые деревья, приносившие плоды раз в три тысячи лет. Эти персики гарантировали бессмертие отведавшим их. Хокусай изобразил блюдо с персиками по правую руку от царицы.

Волшебные персики, согласно легенде, похитил у нее **уче- ный Тōбō Саку** (кит. Дунфан Шо), который помещен справа от Сэй Ōбо. Он жил во времена ранней династии Хань (во 2 в. до н.э.), служил воин- ственному императору У-ди,

обрел бессмертие и бывал не раз замечен в после- дующие века летящим на багровом облаке. Еще его считают воплощением Венеры, или Золотой звезды Цзиньсин, а посему — покровителем золотых дел мастеров.

Нижний регистр отведен долго- жителем. Под Тōбō Саку, в ниж- нем правом углу, изображен **Такэсиути-но Сукунэ** (ино- гда читается как Такэноути-но Сукунэ), легендарный долгожи- тель, служивший пяти государям со второго по четвертый век.

Одного из этих государей-младенцев (Ōдзина) он и лелеет. Такэсиути считается родоначальником многих знатных японских родов.

Продолжает мифологичес- кую тему персонаж в центре нижнего регистра. Молодой человек с удочкой верхом на черепахе миногамэ — это **Урасима Тарō**. В популярной сказке он побывал во дворце у подводного Царя-Дракона,

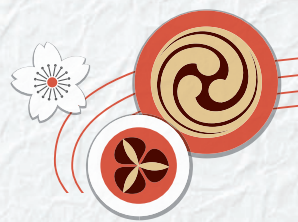
погостил там недолгое время, но потом заску- чал, несмотря на любовь Отомэ-химэ, дочери

царя-дракона. Она дала ему на прощанье шка- тулку, которую велела не открывать. Урасима был доставлен в родную деревню, но никого и ничего не мог там узнать. Люди, отвечая на его расспросы, говорили, что жил тут такой Урасима Тарō, но давно исчез — триста лет назад. Тогда отчаявшийся Урасима открыл шкатулку, оттуда пошел белый дымок, и тут волосы у него побелели, он превратился в дряхлого старика и умер.

Слева от Урасимы Тарō стоит **Миура-но Ōсукэ**. Он поме- щен там не случайно. Во-пер- вых, один иероглиф в его фамильном имени идентичен одному иероглифу в фами- лии Урасима (*ура*). Во-вторых, Миура-но Ōсукэ объединен с Урасима Тарō и Тōбō Саку по принципу долго- жительства — он, согласно преданию (ошибоч- ному), прожил 106 лет. Все три персонажа ино- гда изображались вместе в одной гравюре. Их называли Три Старца (*санкō*).

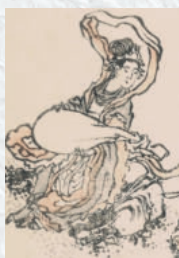

Миура-но Ōсукэ объеди- нен с Урасима Тарō и Тōбō Саку по принципу долго- жительства — он, согласно преданию (ошибоч- ному), прожил 106 лет. Все три персонажа ино- гда изображались вместе в одной гравюре. Их называли Три Старца (*санкō*). Миура-но Ōсукэ Ёсиаки (1092–1180) был знатным самураем ран- него средневековья (12 в.); о подвигах его и его сыновей говорится в военной эпосе «Хэйкэ- моногатари», а также более подробно в менее известном «Адзума кагами» («Восточное зер- цало»). Кроме того, он был героем нескольких популярных пьес театра Кабуки. Связь с Кабуки обнаруживается в больших актерских гербах на рукавах Миуры. Эти гербы — три полоски в круге — представляют собой стилизованный иероглиф «три» (*ми*), — что намекает на имя персонажа.

На этой странице представлены **Семь богов счастья** и **пара детей, занятых каллиграфией**.

Семь богов счастья (*ситифукудзин*), прибывающих под Новый год с подарками на корабле сокровищ, стали популярны в японской народной культуре с 18 в. Происхождение этих богов весьма разнообразно — они восходят к божествам синтоизма, даосизма, буддизма и даже индуизма. Лишь один (Эбису) является уроженцем Японии; трое пришло из Индии (Биямон-тэн, Бэндзай-тэн и Дайкоку-тэн) и трое из Китая (Фукурокудзю, Дзюродзин и Хотэй).

Вверху слева изображена богиня **Бэндзай-тэн** (санскр. Сарасвати). Она, единственная женщина в группе, приносит удачу в любви, а также изящных искусствах, музыке и литературе. В руках ее музыкальный инструмент *бива*, напоминающий лютню, обернутый в ткань.

Чуть ниже в центре — бог **Биямон-тэн** (санскр. Вайшравана) в облике воина с копьем, которым он отгоняет злые напасти и всякую нечисть. Он приносит удачу в бою и соревновании.

Справа от него — бог **богатства, торговли и рыболовства Эбису**, изображенный с пойманной на удочку рыбой (обычно это морской окунь, который по-японски *таи*, а потому является символом удачи или счастья: *таи* входит в благопожелание «Мэдэтай»). Эбису особо покровительствует простым усердным труженикам. Считается, что он вырос из Хируко — Дитяти-Пиявки, перворож-

денного отпрыска японской первопары Идзанаги и Идзанами. Также его связывают с синтоистским божеством Котосиронуси-но ками.

Регистром ниже слева представлен **бог долголетия Фукурокудзю**, узнаваемый по вытянутой вверх огромной голове. В его ведении находятся всякого рода неожиданные сказочно прекрасные события. Также он способствует мужской силе и прокреации (вероятно, по ассоциации, вызываемой его головой).

Фигура в центре в высокой шапке и с раскрытым свитком в руках — **Дзюрёдзин**, бог мудрости. Он приносит удачу посредством своей учености и ума, равно как и долгого житейского опыта. Молящиеся просят его поделиться мудростью и долголетием.

Справа от него — **бог богатства и изобилия Дайкоку-тэн** (санскр. Махакала, эпитет бога Шивы; букв. «Великий Черный»). За его спиной мешок с добром, в руке колотушка, каждым ударом которой он производит золотые монеты, а под ногами — мешки с рисом, основным источником питания японцев. Его — как подателя риса — особенно почитают крестьяне. В западной Японии он считается покровителем рисовых полей. А изначально он считался божеством кухни.

В левом нижнем углу изображен бог **довольства и изобилия, а также здоровья Хотэй** (кит. Будай). >

12R

Его можно узнать по огромному мешку, объемистому животу и блаженно-радостному выражению лица. Сообразно дзэнской традиции, Хотэй был веселым китайским монахом, жившим в начале 10 в.; он бродил с мешком и раздавал из него сласти встреченным ребятишкам.

Дети (изображены *карако* — «китайчата»), собирающиеся писать на большом листе бумаги вверху страницы, связаны с Семью богами счастья, поскольку существовал обычай писать перед Новым годом благопожелательное стихотворение про корабль сокровищ и класть его в изголовье. Кроме того, дети, занятые каллиграфией, это новогодний символ, поскольку существовал обычай «первого письма» (*какидзомэ*) в году.

鳳皇

11-2R

Это первая страница Второго выпуска Манги с изображением **двух фениксов** (*хбб*, кит. *фэнхуан*). Фениксы со времен китайской древности считались вещими чудодейными птицами, чье появление знаменовало, что наступил (или вот-вот наступит) мир, процветание и добродетельное правление. Они входили в четверицу животных, обладающих магическими свойствами (наряду с тигром, драконом и черепахой). Их всех называли даже не «четыре зверя», а «четыре духа» (*сисин*). Фениксы соответствовали югу, лету, красному, огню и знанию.

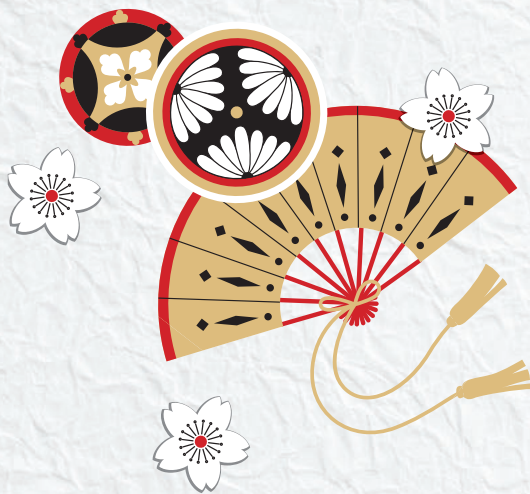
Визуально фениксы сочетают в себе черты павлинов и фазанов. Пятицветные перья длинного хвоста (пять цветов воплощали всю гамму основных цветов для китайцев и позднее японцев) символизировали пять добродетелей (прямоту, человечность, добродетель, честность и искренность). Фениксы были популярны в даосской и буддийской мифологии и считались

гонцами и средством передвижения бодхисаттв и бессмертных, например Бай Фуку (кит. Мэй Фу — см. стр. 47) или чета бессмертных Сё Си (кит. Сяо Ши — см. стр. 55) и Ро Гёку (кит. Лао

Юй).

В Японию фениксы (уместнее сказать, сведения о них) проникли в самый ранний период, в 6–7 вв., вместе с потоком китайской культуры. Они стали одним из символов императорской власти и часто изображались вместе с павлонией (считалось, что они садятся отдохнуть только на это благородное дерево, тоже, кстати, символически связанное с императорским домом). Листья павлонии, послужившие основой для императорского герба, изображены внизу слева. Справа, за нижним фениксом, — побеги бамбука, которыми феникс исключительно питается. В эпоху Эдо из черепов фениксов делали особо ценный материал для изготовления нэцкэ (правда, посвященные знали, что это были черепа аистов).

Дракон (*phō*, кит. *лун*) — едва ли не самое популярное мифологическое существо, более широко известное, чем феникс, с которым, кстати, его часто изображали в паре. Древнее китайское выражение «дракон летает, феникс танцует» означало мудрое правление и процветание. Дракон ассоциировался с императором, а феникс — с императрицей.

В Японии, как и в Китае, дракон ассоциировался с императорской властью, с буддизмом и почитался в качестве охранителя. В четверице священных животных, охранителей мироздания, он отвечал за восток. Ему соответствовала весна, зеленовато-голубой цвет и такое качество, как правомерность. Кроме того, дракон был связан со стихией дерева и воплощал мужское начало ян.

В Японии, по свидетельству древней хроники «Нихонги», дракона изображали на буддийских храмах уже в 7 в. Дракона можно нередко видеть в композициях с бидхисатвой милосердия Каннон, с богиней Бэндзай-тэн или со святым по имени Хантака-сондзя, одним из шестнадцати главных архатов (см. о нем II-5R). Некоторые даосские святые летали на драконах, например Ма Шэван (яп. Ба Сикō).

Хokusай изобразил своего дракона с тремя большими когтями на каждой из четырех лап — в отличие от классических китайских драконов, где их считали четырехпальными. В Японии изображали и пятипальных, но только в случае, если речь шла об особых императорских драконах. К императорам, сначала китайским, а потом и японским, прилагали эпитет «драконоликий», а потому их лица закрывали в официальных ситуациях бамбуковым занавесом, чтобы монарший облик, великий и ужасный, не поразил бы тех, кто мог лицезреть священную особу.

Обычно облику дракона присущи девять характеристик: голова у него как у верблюда, рога как у оленя, глаза как у зайца, уши как у быка, шея как у игуаны, чешуя как у карпа, лапы как у тигра, а когти как у орла. Длинные усы являются дополни-

тельным признаком. Количество чешуек у дракона измерено и составляет девять раз по девять — весьма счастливое число. Дракон может менять свое обличье, а также сокращаться в размерах до полного исчезновения из вида.

Писатель Такидзава Бакин (1769–1848), которого Хokusай много иллюстрировал, написал подробную классификацию драконов — по окраске, повадкам, сфере действия и прочим свойствам. Некоторые из этих разновидностей Хokusай нарисовал на следующей странице.

В верхней части левой страницы разворота страницы шныряет вниз **ōрю** (кит. *инлун* — букв. «откликающийся дракон»). Его изображали с крыльями и более похожим на птицу, нежели на змею. Ōрю в древних китайских мифах был связан с доисторическими Тремя правителями и Пятью императорами, в особенности с легендарным Желтым императором и его потомком владыкой Юем. Так, в «Чуских строфах» («Чу цы», 3–2 в. до н. э.) Цюй Юаня говорится, что ōрю помогал Юю, основателю династии Ся, справиться со страшным потопом и периодическими наводнениями. Юй сделал это, построив каналы, а роль дракона заключалась в том, что своим хвостом он нарисовал русла будущих рек и каналов. Кроме того, он отвечал на соответствующие молитвы дождем (или его прекращением). Потому-то и назван он был «откликающимся». Подробно рассказывается об этом драконе также и в «Шан хай цзин» («Каталог гор и морей») и в трактате «Хуай нань цзы» (2 в. до н. э.), где о нем идет речь в трех главах. Так, в главе «Земные формы» говорится, что ōрю (т.е. инлун) был прародителем всех четвероногих — посему его обычно изображали четырехкрылым. «Все твари, крылатые, покрытые шерстью или чешуей происходят от дракона. <...> Летящий дракон породил феник-»

